

Наталья Новгородская

ПОД МУЗЫКУ ШОПЕНА

16+

Наталья Новгородская
ПОД МУЗЫКУ ШОПЕНА

«Автор»

2020

Новгородская Н.

ПОД МУЗЫКУ ШОПЕНА / Н. Новгородская — «Автор», 2020

Главная героиня, Лизет, вынуждена оставить свой дом и переехать в Петербург к своей тётке. Но и там её жизнь не безоблачна - тётушка замечает зарождающиеся чувства между девушкой и её сыном, и собирается выслать неуютную племянницу в деревню...

© Новгородская Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Нимфы мадам Фроссар.	5
Глава 2. Большие горести и маленькие радости.	9
Глава 3. Птичка в клетке.	13
Глава 4. Игра.	17
Глава 5. Опасная связь.	20
Глава 6. Снова переезд.	24
Глава 7. Покровское и его жители.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Наталья Новгородская

ПОД МУЗЫКУ ШОПЕНА

Глава 1. Нимфы мадам Фроссар.

Некоторые наши приобретения, будь то вещи, друзья или чувства, являются следствием путешествий или переездов из одного места в другое. Тот, кто хоть раз переезжал, знает, что приобретая одно, можно забыть или потерять другое, иногда очень важное и ценное. Елизавета Петровна Изюмская, или как её любили называть друзья, Лизет, тоже вынуждена была несколько раз менять своё пристанище, с удивлением отмечая про себя, что новое место каждый раз не похоже на предыдущее, и как сильно отличаются люди, живущие в разных местах. Ей приходилось всё, что с трудом она получала, оставлять, и начинать заново, строить новые отношения с людьми её окружавшими.

Более всего ей было жаль оставлять после кончины отца родительский дом в уездном городе Н. Добротный и одноэтажный, он удачно пристроился на окраине городка, за которым тянулся пролесок; через него Лизет часто по тайным тропинкам попадала в небольшую деревеньку с покосившимися избами, где казалось, жили одни старики, и не было ничего примечательного. Она бродила там, перепрыгивая через ручейки и собирая землянику, при хорошей погоде это было излюбленное её занятие. Часто ей приходилось гулять в одиночестве, но она не огорчалась, ибо в любом уголке природы видела красоту – отраду для глаз, шум листьев напоминал ей музыкальные мотивы и улаждал слух, а всё вместе давало ей вдохновение к жизни и занятие для мозга, который собирал все её ощущения воедино и не позволял сердцу ожесточиться, а душе зачерстветь.

Доход её отца никогда не был большим, и, откровенно сказать, никогда не удовлетворял его. Пётр Петрович вкладывал деньги то в одно, то в другое предприятие, приносящее небольшую выручку, но чаще всего оказывалось вовсе бесполезным или убыточным. Прибыли с поместья всегда было мало, хозяин там почти не бывал, и жизнь его родового гнезда, обиталища его предков, где отец его, также Пётр Петрович, лелеял надежды на своего единственного сына, его мало интересовала. Младший Пётр женился на дочери купца второй гильдии Марфе Васильевне Вороновой; за ней дали неплохое приданое, которое, правда, ввиду недалёковидности её мужа, быстро растратилось, что вызвало гнев тестя, удар и кончину его. Лизет едва исполнился годик, когда случились эти печальные события, так что не успела она посидеть на коленях у деда, и связь с этими родственниками по материнской линии после названных событий прервалась. Но Пётр Петрович не отчаялся и принялся за новое дело, которое, на удивление, принесло неплохой доход. И его жена воспряла духом, их положение улучшилось, так что они даже смогли нанять дочери гувернантку-англичанку, которая почти не говорила по-русски, и была так бедна и несчастна, что почитала своих хозяев за истинных благодетелей и искренне верила, что они спасли ей жизнь.

Отец мало присутствовал в жизни дочери и вообще в доме, вечно чем-то занятый вне его, вечно пропускавший ужины из-за собраний и вечно строивший грандиозные планы, от которых на деле оставалась только малая часть. Дочерью занималась сама Марфа Васильевна, учила её французскому, игре на фортепьяно, рисованию. Её попытки обратить внимание отца на успехи дочери обычно заканчивались его словами “сносно” и “пусть продолжает в том же духе”, затем он утыкался в утреннюю газету или брал шляпу и выходил из дому. К сожалению, застать его свободным для разговора можно было только за завтраком или перед выходом, и жене приходилось улачать подходящий момент, чтобы сообщить ему что-то важное по её мнению.

Говорить о том, что Лизет не устаивалась даже его ласкового взгляда или обращения, и вообще не стоит. Но когда дочери исполнилось четырнадцать лет, ему пришлось обратить свой взгляд и свои помыслы на неё, потому как от продолжительной болезни лёгких скончалась её мать, и следовало думать, что делать с девочкой. Гувернантку давно отослали, и дочка ходила по дому неприкаянная, иногда сидела у окна в саду, где любила копошиться мать, и часто смотрела на отца большими чёрными глазами с таким удивлением и опаской, как будто только узнала его, и что он тоже живёт здесь вместе с нею.

Они остались вдвоём, неловко сталкиваясь в гостиной и спеша разойтись по своим углам. Теперь часто по дому бродила тишина, прерываемая редкими разговорами старой няни со служанками, и то она часто прижимала указательный палец к губам, призывая их к порядку и показывая глазами на Лизет, как бы выказывая уважение к её горю, но тем самым ещё больше замыкая её в себе. Вскоре это молчание стало для девочки невыносимым, а говорить с отцом она не могла, потому что привыкла общаться с ним только короткими фразами, выразившими просьбы, никогда она не чувствовала себя с ним свободно.

Она стала целыми днями сидеть за фортепьяно, разучивая одни и те же пассажи и мелодии, дошла до того, что наизусть уж их запомнила и обходилась без нот, когда Петру Петровичу всё это надоело, и, употребив все силы и связи, изъязв из бюджета неплохую сумму денег, он решил отправить её в петербургский пансион мадам Фроссар, который был лучшим из недорогих и худшим из самых востребованных. Лизет была огорчена; она так лелеяла своё горе, так была безутешна, что отъезд заставил её плакать на груди у нянюшки. Пусть бы ей пришлось всю жизнь терпеть холодность отца, она ни за что не хотела покидать дом, где провела лучшие годы жизни рядом с дорогой матерью! Она смотрела на отца заплаканными глазами, не в силах что-либо сказать, не решаясь просить его всё отменить, ведь всё уже было решено, он за всё заплатил, и он уже готов сам отвезти её в старенькой коляске. Она попрощалась со слугами, бросила тоскливый взгляд на фортепьяно, и угнетаемая тяжёлыми мыслями, села в экипаж.

Стояла тёплая осень, лошадь легко бежала по хорошей дороге, и Пётр Петрович уверенно правил ею. Вскоре он, прервав тяжёлое молчание, разговорился, сообщив, сколько времени займёт дорога, что они увидят по пути, и ещё расхваливал пансион и саму хозяйку. Говорил, что она хороша собою, хоть и стара, веселого и романтического нрава, что о ней доброжелательно отзывались его знакомые, которые отправили туда аж трёх своих дочерей. В общем, он старался сделать то, что не делал прежде – скрасить дочери её минуты отчаяния. Он искренне считал, что делает всё во её же благо. Чтобы поддержать девочку, он сказал, что верит, что мать была бы счастлива знать, что она будет учиться в этом пансионе, авось и сама бы отправила её туда, если была бы жива, чем вызвал новый поток слёз, который Лизет попыталась скрыть, вытирая кулачками щёки, благо она сидела позади отца, а он оглянулся только раз на неё за всю дорогу.

Петербург, серый и неприветливый, поразил и ужаснул её; она была здесь только раз, у родственников отца, и тогда, будучи ребёнком, очень обрадовалась, закончив визит, а когда их коляска выехала из города, она совсем развеселилась и расшалилась, предчувствуя скорое приближение к родному дому. Мать долго не могла добиться от неё причины такого хорошего настроения, а девочка дразнила её, забавляясь всё больше, и так, веселясь, они ехали всю дорогу. Снова слёзы навернулись на глаза Лизет при этом воспоминании о матери; тяжело она выбралась из коляски, хоть и с помощью отца, но ей потребовалось времени больше, чем обычно.

Их у ворот встретила высокая, статная женщина в черном платье с белым кружевным воротником и такими же манжетами. Ворот скрепляла серебряная брошь, золотые часы висели у пояса, и больше не было никаких украшений. Она улыбалась новой воспитаннице так тепло и искренне, что смело можно было сказать, что улыбка её главное украшение, а остальные были бы излишни.

Наступила минута прощания отца и дочери; он глядел на неё растерянно, не зная, что следует сказать, нужно ли проявлять эмоции, присущие такому случаю или лучше отстраниться, чтобы не травмировать своё дитя ещё больше. Она же стояла безучастная, опустил глаза в землю. Наконец, он решил всё закончить, мягко пригнул её голову и поцеловал в лоб, сказав, “Ну, оставайся с Богом”, залез на козлы коляски и отбыл прочь. Лизет смотрела ему вслед, глотая слёзы и чувствуя, что никогда до этого не был он ей таким родным, и почему она ничего ему не сказала? Возможно, он желал и надеялся, что дочь произнесёт несколько ласковых слов напоследок. Почему она так боялась его и робела?

Мягкое прикосновение прервало эти мысли – мадам Фроссар напомнила ей о своём присутствии, и на четыре года её дом стал домом для Лизет, её помыслы стали мечтами Лизет, её знания и умения стали принадлежать Лизет и срослись с её уже приобретёнными чертами характера и вом. Ей было уже далеко за сорок, и она показалась девочке старухой, была заметно старше отца и, несомненно, мать Лизет была красивее, но объективному обывателю внешность мадам могла показаться приятной, а в молодости её даже называли хорошенькой. Муж её давно скончался, оставив тридцатилетней вдове неплохое состояние, которое она решила употребить на то, чтобы создать “приют просвещения и благопристойности для девушек” – так она называла своё детище, а своих учениц – нимфами своего сада, глядя как они весело бегают или играют в маленьком саду за домом.

Девушки читали, занимались живописью, танцами и музыкой, учили французский и английский языки. В доме помимо самой мадам, жили ещё две молоденькие учительницы-француженки, также в пансион раз в неделю приходил лысый и сгорбленный под тяжестью лет Василий Осипович Скворчевский. Закончив преподавательскую деятельность в университете, он нашёл пристанище своим обширным знаниям “в этом дворце грации и красоты”, как он говорил. Он пытался привить девушкам почтенное благоговение к истории и религии, но его слушали вполуха, нетерпеливо постукивая пальчиками по парте, устремляя глаза к потолку и пытаясь высчитать, сколько осталось времени до конца урока.

Мадам одновременно могла обучать не больше пятнадцати учениц, поэтому их общество было сплочённым, и она была его лидером и идейным вдохновителем для всех увеселений и мероприятий. Она уделяла пристальное внимание каждой девушке, позволяя отличиться в присущих ей талантах: если та хотела петь – зал был в её распоряжении, если любила вышивать, а к музыке была равнодушна, то мадам не заставляла, а если Лизет хотела бы больше времени уделять игре на фортепиано, то, пожалуйста, она может приходиться в музыкальную комнату после уроков. А если вдруг у девицы не находилось никаких способностей, то ей позволялось обучаться всему понемногу, главным было усердие, а к чему – мадам было решительно всё равно.

Мадам Фроссар плохо говорила по-русски, и всё обучение велось только на французском, поэтому Лизет пришлось вспомнить всё, чему учила её мать, и она к своему удивлению обнаружила, что обладает способностью схватывать всё на лету, и по началу сковывавшее её напряжение отступило. Хозяйка с восхищением рассказывала о Бахе, Моцарте, а также новых композиторах, покоривших Европу – Берлиозе, Шопене и Листе. Злые языки говорили, что у нее был роман с графом Н., который заседал в министерстве иностранных дел, и, вероятно, он-то и доставлял ей такие драгоценные ноты из-за рубежа. Впрочем, это были только слухи, и мадам ни в чём предосудительном замечена не была, а Лизет так и не увидела этого таинственного графа.

Больше всех мадам любила произведения Шопена, она видела в них его личные переживания, страдания от любви и разочарования, и одновременно ликование от переполнявших чувств. Забыв об уроке, она с горящими глазами рассказывала юным ученицам о его любви к странной женщине – Жорж Санд, часто вкладывая в эти истории своё личное, ничем не под-

креплённое мнение и свои тайные переживания, называя писательницу “femme insidieuse”¹, лишившую композитора последних сил и здоровья.

Когда-то, в 40-х годах в Париже, мадам побывала на концерте этого изящного композитора и влюбилась в эти ноктюрны и этюды, полные нежной лирики и возвышенной печали. О русских композиторах, мадам Фроссар, казалось, ничего не слышала, да и вообще она о России знала очень мало, редко куда-то выбиралась, полностью погружаясь в мир своих маленьких фей.

¹ С фр. Коварная женщина

Глава 2. Большие горести и маленькие радости.

Теперь Лизет бывала дома только на каникулах, отец за ней сам не приезжал, ссылаясь на занятость, а присылал слугу. Отношения между отцом и дочерью не то что бы наладились, но стали заметно теплее: она с охотой рассказывала ему об учёбе в пансионе, а он её даже мог послушать несколько минут, прежде чем приняться за чтение газеты. Лизет приглашали в гости подруги матери, но она чаще отказывалась от приглашений, чем принимала, ведь она не могла пригласить их в ответ к себе домой, ибо отец запрещал ей, оправдываясь:

– Подумай, сколько свечей придётся извести за вечер, а тебе и одной свечки хватит. И ещё посчитай, сколько печенья съедят эти дамочки, вероятно, весь наш запас на неделю.

Они жили замкнуто и на всём продолжали экономить. Хорошо что Лизет сумела его уговорить дать ей денег на новое платье к выпускному, хотя она рассчитывала на большую сумму, чем он выделил.

Подготовка к выпускному была грандиозной: выбирались ткани, шились платья, танцевальные навыки доводились до совершенства; у мадам Фроссар было как никогда много работы – требовалось дать множество советов каждой из учениц по поводу костюма и причёски. В общем, многое творилось в благородном пансионе, но все страхи были забыты, когда пятнадцать прекрасных, как лесные феи, девушек вошли в танцевальный зал, украшенный по такому случаю живыми цветами и большими зеркалами. Мадам постаралась доставить своим воспитанницам удовольствие, но сама была всё в том же неизменном чёрном платье, и всё та же благодушная улыбка озаряла её лицо.

Дамы приготовились встречать кавалеров, чтобы приступить к танцам, и каково же было их изумление, когда вместо усатых молодых офицеров кавалеристского корпуса, они увидели юных кадетов с пунцовыми лицами под предводительством пузатого офицера, который строго покрикивал на них:

– Встать прямо! Выстроиться в линию!

Девушки сами вздрагивали от его зычных приказов, и от души жалели этих неоперившихся птенцов российской армии, когда они неловко подходили к ним и предлагали руки. Юноши вели девушек по залу, боясь поднять головы, а когда всё же смотрели на этих нимф из сада мадам Фроссар, то в их глазах было столько восхищения, что девушки тут же все простили и своей мадам, и громкому офицеру. Это было самое прекрасное воспоминание, которое Лизет увозила из пансиона домой.

Вскоре наступил трогательный день отъезда, и Лизет, не скрывая слёз, прощалась с учительницами и своими подругами. Мадам так впечатлилась, что тоже захотела заплакать, но требовалось сохранить лицо, и она только глубоко вздохнула, провожая своих учениц одну за одной. К Лизет она подошла с папкой в руках – это были ноты Шопена, которые она решила подарить одной из своих самых любимых учениц. Девушка бросилась учительнице на шею, не в силах сдерживать свои эмоции. Сколько благодарности было в её сердце! Но сколько из этого она смогла выразить в словах? Только малую часть, потому что когда нас переполняют эмоции, мы, почему-то не можем со всей полнотой, которую чувствуем сердцем выразить словами. Очень сложно подбирать слова, все они кажутся не теми, и на ум не приходят достойные выражения, которые бы точно описали наше состояние. Мадам призналась, что успехи Лизет в музыке действительно поразили её, она предрекала ей хорошее будущее, если, конечно, та не бросит практиковаться.

Приехал Никифор, слуга отца, он сообщил, что отец приболел, и что они поедут на почтовой карете. Лизет удивилась, но ничего конкретного слуга не смог ей сообщить, и она стала прощаться с мадам. Она была всё такая же, как и четыре года назад, с прямой спиной стояла у

ворот и теперь только провожала, а не встречала своих учениц. Эти девочки были ей как дети, которых у неё никогда не было, и каждую она по-своему любила и помнила.

Лизет последний раз оглянулась на особняк, он всё продолжал удаляться, и беззаботная жизнь в нём тоже становилась далека и туманна. Она, сев в карету, поехала по шумным улицам города, где торговцы стремились перекричать друг друга, а экипажи – норовили сбить то прохожего, то рядом едущую карету. Пансион стал её домом, а его жители – её семьёй, как же тяжело было покидать эту обитель свободы и духовного просвещения!

Но чем ближе становился её отчий дом, тем более она приходила в радостное настроение, и уж не терпелось ей рассказать домашним о своём выпускном.

Она приехала к дому и с нетерпением прыгнула с коляски, едва только слуга открыл ей дверь.

– Ниловна! Ниловна! – радостно закричала она, вбегая в дом, сбрасывая шляпку, растёгивая пуговицы на пальто и надеясь увидеть свою старую няньку.

Но к ней вышла другая служанка, и с удивлением глядя на весёлую свою барышню, сообщила, что старушка покинула их ещё осенью. Тут же радость сошла с лица Лизет, уступив место горькой печали. Затем она узнала ещё более ужасные новости: отец слег и лежал в кровати уже несколько недель; приходил доктор и выдал неутешительное “безнадёжен”.

Дом погрузился в тихую печаль в ожидании конца. Лизет с ужасом узнала об их бедственном положении: дом был заложен, а кредиторы засыпали отца письмами то с просьбами, то с угрозами. Требовалось скорее рассчитаться с долгами, поэтому он продавал всё, за что можно было выручить хоть какие-то деньги: коляску вместе с лошастью, а также и фортепиано, которое верно служило поверенным её мыслям и чувствам и напоминало ей время, проведенной рядом с матерью.

Лизет не отходила от отца, утешая и стараясь всем, чем можно было облегчить его страдания, но он уже кашлял кровью, а дыхание его стало совсем тяжёлым и хриплым. Кое-как он написал записку, которую отправили его знакомому, Осипу Михайлову, с которым их когда-то связывали некоторые дела. Он просил его приехать и помочь разобраться с делами и написать кредиторам от его имени. Пётр Петрович боялся, что они будут беспокоить дочь, и он хотел ещё и поэтому вопросу переговорить с Осипом. Может, он найдёт достойного жениха для его Лизы? Ведь, вероятно, придётся продать поместье, и они останутся совсем без средств к существованию, так что надобно устроить судьбу дочери, пока он жив. Пусть жених будет и стар, но достаточно обеспечен и с широтой взглядов, чтобы жениться на образованной и миловидной бесприданнице.

Это он и сказал Михайлову, когда тот сидел на стуле возле его кровати. У того не было особого желания помогать и вникать во все его печали, но увидев Лизу, его поразила её печальная красота, её молчаливость и кроткая покорность, с которой она ухаживала за отцом. У него самого была дочь, и он вдруг представил, что было бы с ней, если бы он преставился. Он обещал приняться за дела на следующий же день и отбыл, отказавшись от обеда, прекрасно осознавая, что обедать у них нечем.

Вечером Пётр Петрович впал в забытье, спешно послали за врачом, но было уже слишком поздно. Доктор принимал роды, и, взяв за правило навещать умирающих в последнюю очередь, приехал к Изюмским только через три часа. Он нашёл Лизет рядом с отцом, который уже не дышал.

Она подняла большие глаза на доктора с вопросом:

– Что же теперь будет?

Но он не смог ответить, и вряд ли кто бы смог в тот момент.

Через неделю после похорон, когда Лизет сидела одна в гостиной и высчитывала, сколько продуктов и как нужно распределить на неделю, зашёл Михайлов, и она взглянула на него в надежде, что он нашёл выход из бедственного положения. Но всё было прямо противоположно.

Он очень долго разбирался с бумагами её отца и пришёл к выводу, что тянуть больше нельзя, как можно скорее нужно рассчитаться с долгами.

– Как же это сделать? – тихо спросила девушка.

Михайлов сел рядом с ней.

– Надобно всё продать – это единственный для вас вариант.

Она удивилась:

– Что можно продать, коли ничего уже не осталось?

– У вас есть ещё поместье; я уже узнал, сколько можно выручить за него, скоро лето и народ потянется из города, надо продавать быстрее, пока есть спрос. Денег хватит, чтобы только погасить долги и проценты, вам не достанется ничего, к сожалению. – Он с сочувствием посмотрел на неё. – Вам нужно как-то решать свою судьбу. Вы думали о месте гувернантки?

– Нет... Это так необходимо?

– Тогда, возможно, у вас найдутся родственники, которые согласятся вас приютить. В общем, подумайте. И если вы дадите согласие на продажу поместья, то я сразу же напишу кредиторам, что деньги у них скоро будут, и они ещё дадут вам отсрочку. У вас будет время, чтобы найти другое жильё.

“Другое жильё?” – она обвела взглядом комнату, в которой осталось мало мебели и где даже в самую студёную погоду уже давно не топили камин. Её сердце сжалось в предчувствии новых бед.

– А как же дом?

– Дом заложен, как вы знаете, его у вас и так заберут. Я сожалею...

Он поднялся.

– Так что насчёт поместья?

– Что ж... Если вы найдёте покупателя, то я буду вам очень благодарна. Не знаю, что бы я без вас делала... – сказала она совсем уж тихо, так что Михайлов и не слышал конец фразы. Он откланялся, и когда его шаги стихли за дверью, она, устало сложив руки на столе, уткнулась в них лицом, сломленная под тяжестью горькой печали и бессилия.

И кто знает, что бы стало с Лизой Изюмской, если бы на следующий день не пришли хорошие известия: она посылала письмо в Петербург родственникам о смерти отца, правда, не упоминая о своём трудном положении, и теперь пришёл ответ, где её тётка – двоюродная сестра отца, выказывает ей свои искренние соболезнования и так жалеет её, и так сожалеет, что ранее не обращалась она к своей *chère pièce*², что совесть более не позволяет ей находиться вдали от несчастной сиротки. Чтобы искупить свою вину перед ней и её бедным отцом, с которым она, к стыду своему, потеряла связь, она приглашает Лизет погостить у нее в доме. Столько, сколько племянница пожелает, конечно. Это ободрило девушку, и жизнь не казалась ей теперь беспросветной; у неё появилась надежда, что переедет она в новый дом, в котором получит ласку и где сможет начать жизнь заново, только бы ей позволили остаться и выделили для неё самую маленькую и неудобную комнату! Она тут же села писать ответное письмо, полное искренней благодарности.

Через месяц она прощалась уже со старым своим домиком, смотря, как укладывают её вещи в присланный тёткой Василисой Ивановной Глазуновой экипаж. Подумать только, несколько недель назад её так страшил переезд из родного дома, а сейчас она покидает его с лёгким сердцем, полная предвкушений и надежд. Единственно, чего ей было жаль, так это любимого сада матери. Лизет более никогда его не увидит. Но ведь воспоминания хранятся в сердце, и так ли уж важны для нас вещи?

Михайлов отдавал приказания рабочим, теперь он тут был главным и деловито распоряжался, куда вывезти мебель да что делать с рухлядью на чердаке. Всё-таки он выдал ей некую

² С фр. Дорогая племянница

сумму, которая осталась от продажи поместья и выплаты долгов, а кредиторы только ждали теперь продажи дома. Но Лизет считала себя уже совсем свободной, и деньги приятно наполнили её кошелёк, благо она не знала, что их было в два раза больше, Осип Ильич проявил самостоятельность и в этом вопросе и выделил себе немного “за расходы да услуги”. Он не смог устоять перед искушением, как бы не жаль ему было Лизет, а она искренне была ему благодарна, жала руку и желала ему только всего хорошего. Он кивал и говорил: “И вам удачи на новом месте, Елизавета Петровна!” И вот через пару часов она уже была в городе, откуда совсем недавно уехала и даже не думала возвращаться.

Глава 3. Птичка в клетке.

Василиса Ивановна Глазунова, в девичестве Спасская, была замужем за внебрачным сыном графа Т. У него не было титула, но имелось большое состояние, связи и огромный дом, а у нее – неплохое приданое и перспективы на большое наследство; она была хороша собою, и молодой Павел Алексеевич Глазунов, почти не раздумывая, сделал ей предложение. Он был довольно важной персоной города и часто посещал министерства и различные собрания, где был то председателем, то организатором, то меценатом. Лизет помнила плохо Глазуновых, зато их дом запомнила хорошо: белый, двухэтажный, с колоннами, он, маленькой Лизе казался творением злого волшебника, который придумал все эти коридоры и множество комнат только для того, чтобы пугать и прятать там маленьких девочек, и ей было страшно. Но сейчас, взрослая Лиза уже не боялась ходить по огромным залам, ей нравилось смотреть из окна на внутренний двор, где был разбит чудесный сад, или выглядывать из-за занавески на улицу, где проезжают экипажи и снуют прохожие.

Её не привлекала роскошь особняка, а первое время скорее поражала – она боялась трогать позолоченные дверные ручки, осторожно ходила по набивному паркету, боясь его поцарапать туфлями, и часто думала о том, что огромные деньги, потраченные на лепнину на потолке, можно было бы уподобить более полезным и рациональным способом. Она была далека от таких понятий, как престиж семьи и высокое положение в обществе, и только удивлялась, что всё в доме было подчинено им, а жизнь его обитателей была расписана чуть ли не по минутам: визиты, балы, танцы, приёмы, обеды; все знали, что они будут делать сегодня после обеда, завтра или даже через неделю, или месяц. Она была единственным свободным от условностей человеком в семье Глазуновых.

Она с удовольствием гуляла по саду, а в город выходила редко, только в церковь, или иногда сопровождала тётушку за покупками, но чаще находила занятие в доме – там было чудесное, новое фортепиано, и она с наслаждением музицировала, восполняя пробелы, которые появились вследствие отсутствия практики, но пальцы её были по-прежнему быстры и легко порхали над клавишами, приводя в восторг двух хозяйских дочек – шестнадцати и восемнадцати лет. Ещё у Глазуновых был старший сын – Мишель, или официально Михаил Павлович, высокий, голубоглазый и светловолосый; ему с детства пророчили большое будущее, но надежд своих родителей он пока не оправдывал. Хотя отец пытался устроить его куда-нибудь, дать ему какое-то важное дело, но всё было напрасно: Мишель зевал в кабинетах и уходил оттуда раньше всех. Он считал эти заседания пустыми и глупыми и так отзывался о них, что разгневал отца: “Эти заседатели только и делают, что сидят в душных кабинетах! Но больше ни на что не способны! Никого даже не волнует, как исполняются их проекты и приказы, и читают ли их вообще!” Он искренне считал, что больше пользы приносит, заказывая новые костюмы и перчатки и обеспечивая тем самым портным заработок, и что же это, как не дело во благо страны?

Дядюшка совсем не интересовался жизнью Лизет, а вот тётушка более уделяла ей внимание: просила сыграть какую-нибудь пьесу или романс, а дочери её пели, или просила позвать служанку, или разлить чай, или принести из комнаты шаль или шаль унести. В общем, Лизет выполняла все просьбы своей благодетельницы, не чувствуя каких-либо стеснений, благодарная ей за кров и участие в её жизни. Но к чаю саму Лизет не приглашали и гостям её не представляли, и никогда не просили сыграть на публике – это делала старшая дочь, таланты которой, довольно посредственные, выставлялись напоказ и объявлялись всем, как образец для подражания. Она пыталась сойтись со своими кузинами, но те часто мягко давали ей понять, что она недостойна долго находиться в их обществе, и она отступала.

Мишель отзывался о сёстрах не совсем учтиво:

– Пустоголовые девицы! Знаете, Лизет, моя бы воля, я скорей бы их уже выдал замуж, чтобы они зазря не занимали наши комнаты! Всё равно от них никакого проку – ни таланта, ни обаяния, ни ума, ни очарования! Пустые головы – только и всего!

Она улыбалась и приказывала ему не судить так строго, ведь молодость дана девушкам, чтобы развлекаться.

Лизет часто оставалась в комнатах с младшими детьми и читала им, или они устраивали танцы, и ей было премило наблюдать, как неумело они вальсируют маленькими ножками, как десятилетний кавалер хватается свою маленькую даму за руку, ведя на танец, и как они смешно падают в конце, навертевшись вдоволь, до головокружения. Там же, в августе, Лизет встретила своё восемнадцатилетие, но никому не сказав об этом, она напрасно ждала поздравлений. Мишель, единственный, с кем она могла говорить о чём-либо, веселил её, они часто вместе гуляли в саду, и как-то, Лизет даже не поняла, как, может, от слуг, он узнал о её празднике, и повинился, что не поздравил её раньше.

– Такая дата! Что вам подарить, чего бы вам хотелось? – Он смотрел на неё голубыми глазами с таким искренним участием, что она невольно зарделась, но он настаивал, желая порадовать её, и она призналась, что хотела бы пойти на концерт, всё равно какой.

– Концерт! И всё?! – он был удивлён её непритязательностью, вспоминая своё восемнадцатилетие, когда родители устроили грандиозный бал и фейерверк, а его сестре подарили такое дорогое ожерелье, что он даже стеснялся называть эту сумму своим друзьям. Вообще, у Мишеля было много приятелей, с которыми они кутили ночи напролёт, тратя деньги своих родителей и не заботясь о своём будущем. На новые костюмы улетали огромные суммы, от которых у Павла Алексеевича волосы вставали дыбом, долги сына росли и множились, но отцу приходилось оплачивать – как-никак он старший сын, и всё, что тот имеет, когда-нибудь достанется ему.

– Решено, вы идёте на концерт завтра же! – воскликнул Мишель, – я достану билеты и буду сопровождать вас, как самую великолепную драгоценность Петербурга! Я уверен, вы покорите столицу!

Он так восторгался и радовался от предвкушения нового для себя занятия, что Лизет начала сомневаться, о ней ли он говорит. “Покорить Петербург!” Конечно, ей это не удастся, да она и не стремилась к этому, просто хотела послушать хорошую музыку и приятно провести время.

– Нужно ли мне отпроситься у вашей матушки?

– Что? Глупости! Я буду с вами, и вы же наша родственница, вы вольны делать, что хочется, поэтому вам не нужно ничьё разрешение. Можете веселиться хоть всю ночь, ведь у вас праздник!

Лизет не могла себе этого даже представить и только благодарно улыбнулась. Так приятно и по-дружески он это говорил, что на сердце стало тепло, и она предвкушала незабываемый и чудесный день.

Лизет недолго думала, что надеть на концерт, ведь и выбора-то у неё не было – белое бальное платье, только она попросила его немного привести в порядок, и теперь довольная разглядывала результаты этой работы. Она посмотрела в зеркало и не узнала себя: глаза её блестели, здоровый румянец выступал на щеках, кажется, она даже немного поправилась за недолгое время, проведенное здесь, она по праву могла назвать себя хорошенькой. Причёска была уже готова, волосы искусно заплетены – она ещё не видала, чтобы так убирали волосы, но ей нравилась эта вычурная петербургская мода. Служанки стояли наготове, чтобы помочь надеть ей платье и закончить последние приготовления. Она сделала глубокий вдох и приготовилась к утомительной шнуровке корсета.

– Я не заставила вас ждать? – спросила Лизет Мишеля, когда спустилась вниз.

– Такую красавицу я мог бы ждать вечно! – воскликнул он, оглядывая её с головы до ног, отчего она раскраснелась пуще прежнего. Сам же он был облачён в чёрный смокинг и выглядел в высшей степени элегантно. Лизет никогда до этого не восхищалась умением мужчины носить костюмы, но сегодня всё было впервые, и она была счастлива.

Приехав к большому зданию с колоннадой, она испытала потрясение – такая толкотня была у входа, и было так много карет, что их кучер десять минут не мог найти места для остановки. Когда она это заметила, Мишель произнёс равнодушно, что сегодня народу мало, а обычно можно прождать и двадцать минут в карете, но это всё лето! Большинство горожан разъехались, и они бы тоже уехали в Ниццу или Канны, но у отца оказались неразрешимые дела, поэтому им пришлось остаться в городе. Он пошёл впереди, прокладывая им путь в концертный зал, она семенила за ним, страшась упустить его из виду, и постоянно задевая кого-то локтями или кринолином, и тихо извиняясь, но никто не обращал на неё внимания, толкая её саму, и не извиняясь совсем.

Наконец, они добрались до места и сели на мягкую скамью, что позволило ей выдохнуть, открыть веер и оглянуться вокруг. Толпа гомонила, кто-то спорил, кто-то спешил занять свободные места, и только она успокоилась, как к ним подошли. Мишель представил ей своих приятелей – Пьера и Джорджа, она улыбнулась и слегка кивнула им головой, они же долго не могли отвести от неё глаз, как от чудного и необычного предмета, который вот так неожиданно оказался здесь из ниоткуда. Она была представлена им как его étoile³ сегодняшнего вечера, кузина Элизабет, его муза, отрада его глаз, ибо смотреть на других дам сегодня нет желания, когда рядом такая юная персона. Они удовлетворились этим объяснением и отошли, как тут же подошли другие. Снова улыбки, кивки, представления; в конце Лизет почувствовала себя неловко и уже стала жалеть, что сюда пришла, потому что ни в ком она не чувствовала искренности, все приходили поглазеть на новую спутницу Мишеля Глазунова, кутилы и ветреника. Что за дамочка рядом с ним? Так ли хороша она вблизи, как из дальнего конца зала? Какое у неё приданое? Лизет казалось, что она явственно слышала, как они задавали друг другу эти вопросы, как перешёптывались и оглядывались на неё.

Теперь уже ей думалось, что её наряд слишком прост и немоден, а причёска слишком объёмная, а сама она выглядит глупо со стороны, обмахиваясь веером и пытаясь согнать краску с лица. Мишель был занят своими друзьями и ни слова ей так и не сказал! Ей нужна была поддержка, она не знала, что нужно говорить и позволительно ли ей так долго молчать, но её немного утешало то, что к ней почти не обращались, и она сидела, задумавшись, почти не слыша разговоров вокруг.

– Что с вами? Улыбнитесь, вы же в обществе! – громко зашептал ей Мишель, и она вышла из оцепенения и натянуто улыбнулась.

Тут начался концерт, и она переключила всё внимание на сцену, забыв о неприятном начале вечера. Она внимательно слушала и впитывала каждый звук; оркестр играл так слаженно, что она диву давалась, как так ловко всё у них получается. Её посетило внезапное вдохновение, в ней с новой силой возродилось желание играть, и не просто мазурки и вальсы, а серьёзные, трудные вещи. Она вспомнила о Шопене, ноты лежали в её комнате, она так и не открывала их, и, почувствовав укол совести, она решила завтра же начать упражняться.

Время пролетело незаметно, и вот уже всё закончилось, публика потянулась к выходу, они тоже встали со своих мест, и только вышли в передний зал, как к ним подлетели снова Пьер и Джордж. Они восхищены, потрясены красотой Элизабет, позволит ли Мишель проводить его даму в чайную залу? Или к карточному столу? У Лизет сердце снова ушло в пятки, и всё, чего она желала сейчас – это поехать домой, подальше от всех этих странных, докучливых людей.

³ С фр. звезда

Мишель с надеждой обратился к ней, что, может, она действительно желает чаю? Но девушка отрицательно качала головой и с мольбой посмотрела на своего кавалера.

– Неприлично так рано уезжать, Элизабет, – тихо шепнул он ей, – вы можете показаться высокомерной и презирающей свет.

Ей было всё равно, что о ней думает свет, лишь бы избавиться от этих Пьера и Джорджа!

– Пожалуйста, едемте домой! Я очень устала, – также тихо она ответила ему.

Она поняла, что ему не хочется уезжать, он не привык отказывать друзьям и рано возвращаться домой, но и настаивать ему показалось грубым, поэтому, извинившись и объяснив скорый отъезд тем, что их ждут в другом месте, он, сказав друзьям *au revoir*⁴, и предложив своей спутнице руку, которую она скорей взяла, он стал продвигаться к выходу. Уже в карете, Лизет явственно осознала, что всё кончено, и через несколько минут она будет в своей комнате, в тишине своего одинокого приюта, и что завтра всё снова станет по-прежнему, без особых переживаний и разочарований. Мишель вяло ей улыбнулся, немного разочарованный этим вечером.

⁴ С фр. До свидания

Глава 4. Игра.

Через несколько дней после концерта, Василиса Ивановна, кончив пить чай в своей изысканно обставленной зелёной гостиной, попросила Лизет остаться и попросила её сесть. Она, конечно, знала, что произошло недавно, но не это её волновало, а слухи, которые донесли её знакомые: дескать, её сын появился в обществе с неизвестной юной девицей, и так много уделял ей внимания, что многие уже поговаривают об их скором союзе. Глазуновой с улыбкой всем приходилось объяснять, что это её племянница, несчастная и одинокая, которую по её просьбе сын приобщал к искусству, сама-то она тёмная и необразованная, не обладающая должными манерами и светским воспитанием, но, благо, она, Василиса Ивановна, почитает своим долгом просвещать и заботиться о бедной сироте. “Это мой крест, который я на себя взяла ради её бедной матушки. Если бы кто-нибудь знал, сколько я времени трачу на совершенство её манер!“, – говорила она своим подругам, и они сочувствовали ей, называли её благодетельницей для сирот и хвалили её чуткое сердце.

На самом деле её заботило лишь одно – пресечь любые, даже неосознанные попытки Лизет привести её сына к алтарю, поэтому она и усадила девушку рядом с собой и ласково взяла её за руки. Девушка чувствовала холод золотых колец на её пальцах и невольно внутренне сжалась, а взгляд серых глаз заставил её потупить свои очи в пол. Хоть и говорила Глазунова ласково с нею, но сердце Лизет дрожало при каждом слове.

– Я возложила на себя обязанности по опеке над тобою, поэтому, чувствуя себя должной заботиться о тебе и твоём моральном облике, хочу предостеречь тебя от ошибок, которые ты можешь совершить в силу своей неопытности и незнания света. Девушка в твоём положении, без средств, никому неизвестная в Петербурге, может вызвать нездоровое любопытство в обществе, которое любит всё новое и неизвестное. Новых людей начинают рассматривать, как диковинных животных в зверинце, то дразня, то смеясь над ними. Надобно иметь твёрдый характер, чтобы хорошо зарекомендовать себя в свете, справляться со злыми языками и завоевывать доброе расположение. У тебя же характер мягкий, покладистый, я и сейчас вижу, что ты стыдишься и жалеешь, что поехала на этот концерт. Тебе ведь было неудобно?

Лизет кивнула. Она тоже кивнула в ответ, как бы сочувствуя девушке и принимая её сторону.

– Я понимаю, тебе захотелось почувствовать себя светской дамой, блеснуть в изысканном обществе, это естественное искушение для юной девушки. Но я здесь, чтобы предостеречь тебя.

Её голос, вкрадчивый и ласковый, всё более проникал в душу Лизет и отзывался там эхом, она с трудом уже сдерживала слёзы, чувствуя себя самой неблагодарной и самой ничтожной из всех.

– Тебе следует больше заниматься своим совершенствованием, ты ещё до конца не искоренила свою провинциальность, чтобы считаться способной выдержать давление общества. Ты ещё только в начале пути, и, возможно, когда-нибудь ты разовьёшь свои способности нравиться и покорять до того, что сможешь показаться в обществе.

Финалом этой речи была самая ласковая улыбка, на которую была способна Василиса Ивановна. Лизет тихо поблагодарила свою покровительницу, и, стараясь идти как можно тише, покинула комнату. Хозяйка дома наконец-то выдохнула, убеждённая, что она путём внушения стыда и робости понизила самооценку своей подопечной до такой степени, что она теперь побоится и думать без её позволения о чём-либо касательно высшего общества, а не то что о свадьбе с её сыном. По правде сказать, она была убеждена, что у той и мыслей таких не было, но лучше предупредить беду, чем слишком поздно обратить на неё внимание.

Лизет пришла в свою маленькую комнату, которая находилась в другом крыле, где было всегда тихо и куда никогда не водили гостей, и, наконец, слёзы полились из её глаз, быстро стекая по щекам, и собираясь за воротом платья. Слова тётушки ещё несколько минут отзвучивали в её сердце, пока она совсем не пришла в себя, и тогда уж стала обдумывать происшедшее. Ясно, что её благодетельница совсем не знает Лизет, иначе не стала бы говорить о её несуществующем желании блистать в свете. Не знает она и о настоящих её желаниях и чаяниях, что свидетельствует не столько о заботе, а сколько о формальности, которую она выполняет, пользуясь зависимостью своей племянницы и не гнушаясь использовать её в качестве то ли служанки, то ли компаньонки.

Девушка прислонилась к оконной раме; за окном моросил мелкий дождик, ударяясь о стёкла, он играл какую-то загадочную и грустную мелодию. Она прислушалась. Одиночество, холод, тоска – вот о чём были эти мотивы. Лизет знала, что она чужая в этом прекрасном доме и этом хмуром городе. Она снова потеряла то, что приобрела в пансионе мадам Фроссар – дружбу, участие и свободу. Девушка без средств не может считаться свободной, но освободят ли её из этой золотой клетки, если она попросит? Скорее, нет, да у неё не хватит сил и смелости, чтобы самой идти по жизни, борясь со всеми невзгодами самостоятельно.

Мишель, наоборот, был в прекрасном расположении духа, впрочем, как обычно. Он не знал, какие подозрения на его счёт были у его матушки, а если бы узнал, то его бы очень озадачило, что она могла подозревать между ними какую-то связь, кроме родственной. Ему казалось, что сестрица стала положительно влиять на него, и чем больше времени она жила у них, тем сильнее он привязывался к ней. Он не стал её знакомить с друзьями, видя, что она предпочитает тихую домашнюю атмосферу шумным развлечениям, а музицирование – изысканным балам; казалось, он уважал её так, как никакую другую женщину, исключая, конечно его мать. Лизет отказывалась от его приглашений в театр или в модный салон Жюстины Богарте, светской львицы, у которой часто собиралось высшее общество, известные музыканты, поэты и певцы. Ничто не могло соблазнить его кузину ещё раз выйти в свет, хотя она и виду не подавала, как бы ей хотелось хоть раз побывать там, проскользнуть незаметно туда тенью или, облачившись в платье служанки, постоять в сторонке, спрятавшись за занавесь.

Она пыталась найти успокоение в музыке, и когда музыкальная гостиная была свободна, проводила время за фортепиано. В остальные часы Лизет была занята различными домашними делами, которые на неё возлагали в большей степени её добросердечие и податливость, и в меньшей – её зависимое положение в семье.

Однажды Мишель застал её в музыкальном салоне одну и спросил то, что уже давно волновало его:

– Я знаю, что вы любите музыку, так почему же вы редко играете?

– У меня теперь так много дел, что времени на упражнения почти нет, но я бы больше огорчилась, если бы причинила вашей семье неудобства. Я люблю играть, но если нет возможности, то могу найти удовольствие и в чём-нибудь другом – чтении или шитье, например.

Он фыркнул:

– Очень скучные занятия для такой талантливой барышни. Вам следует больше музицировать, иначе ваши пальцы обмякнут.

Она попыталась не рассмеяться, а он продолжал:

– Ах! Если бы у вас был свой инструмент, вы могли бы играть хоть всю ночь, упражняясь, а потом бы давали концерты не хуже Мари Плейель!

Она возразила, что недостойна такого эпитета.

– А скажите мне, милая кузина, чему ещё учат в пансионах девиц, кроме игры на фортепиано? – спросил он и лукаво улыбнулся.

– Мадам Фроссар – очень разносторонняя и либеральная натура, она позволяла нам делать всё, что мы захотим, лишь бы это не мешало учебному процессу. Я не хочу хвастаться,

но мне она привила любовь к великолепным, серьёзным произведениям. Благодаря ей я научилась играть что-то ещё кроме мазурки и романса.

– И что же она, полагаю, стара и некрасива? – видимо такое у него было представление о хозяйках пансионатов для благородных девиц.

– О, Нет! Конечно, она немолода, но выглядит хорошо для своих лет. Я полагаю, она сохранила романтическую натуру благодаря тому, что до сих пор влюблена, – эту фразу она сказала ему шёпотом, словно боясь, что её могут услышать.

Он удивился:

– В кого?

– Конечно, в Шопена! Она была на его концерте, и, кажется, тогда-то и посетило её это чувство, которое она пронесла через всю жизнь. Конечно, она ни о чём таком не говорила, это всего лишь мои наблюдения, – добавила она поспешно, не желая компрометировать свою учительницу.

– Вероятно, он был очень красив?

– Я бы так не сказала. Но, полагаю, его талант притягивал к нему многих женщин. Он был невероятным, удивительным человеком, это несомненно.

– Я не понимаю, как можно кого-то любить на таком расстоянии? Да ещё спустя столько лет? Мне кажется, это всё сказки для романтических натур, человеческое сердце черствеет со временем.

– Я полагаю, что настоящая любовь способна на многое, это высший дар, который мы можем получить, и только человек, её испытавший, может открыть свою настоящую натуру.

Он посчитал, что она много читала романов в пансионе и поэтому такая излишне романтическая, он бы хотел ещё что-то добавить, но заметил, что она уткнулась в ноты и не желает более продолжать эту тему, и сказал:

– Ладно, я больше не буду беспокоить вас глупой болтовнёй, ведь вы любите серьёзные материи! Поэтому, милая кузина, не соизволите ли доставить мне радость и сыграть что-нибудь из вашего Шопена?

Такой поворот дела ей был по душе, и она села на стул за фортепьяно, он же вальяжно устроился в кресле, закинув ногу на ногу. Её пальцы плавно касались клавиш, голова слегка качалась в такт музыке, спина оставалась прямой. Как золотошвейка вышивает изысканный узор из нитей, так же Лизет плела свою мелодию, перебирая клавиши, то ускоряя, то замедляя темп. В простом сером платье, она выглядела такой хрупкой и одновременно сильной, играя эту незнакомую ему мелодию.

Он невольно залюбовался ею, ведь только сейчас он обратил внимание, что у неё очень утончённый профиль и длинные ресницы, хоть картину пиши! Но писать красками он не умел, ему лучше удавались словесные описания и высокопарные выражения своего восторга. Пока она играла, он придумывал слова восхищения, которыми мог бы одарить её, и всё, что ему приходило в голову казалось недостаточно оригинальным и выразительным. К музыке он был равнодушен, и эта мелодия не произвела бы на него впечатления, если бы её сыграл кто-нибудь другой. Он не смог уловить ни отчаяния, ни тоски, ничего, что Лизет вкладывала в свою игру, он лишь видел, что она красива и понимал, что играет очень хорошо.

– Как вам? – спросила она, когда закончила.

– Это было восхитительно! – улыбнулся он, всё ещё очарованный её образом. – Вы должны больше практиковаться, а я – вас чаще слушать.

Тут им помешала горничная, вошедшая в комнату. Матушка зовёт его в свою гостиную, и ему надобно срочно идти. “Что поделать, в своём доме я невольник”, – произнёс он, и, поклонившись, вышел из комнаты. Если бы Лизет сказали, что этот маленький концерт может изменить всю её жизнь, она бы ни за что не поверила.

Глава 5. Опасная связь.

Через несколько дней после разговора Лизет и Мишеля Василиса Ивановна приказала горничной пристально следить за ними: как часто они бывают вместе, да что делают в комнате её племянницы. Хотя они никогда не закрывали двери, когда оставались одни, горничная всё же потратила немало часов, подслушивая их разговоры и прячась за углами. Василиса Ивановна не думала, что у них завязывался роман, ведь она знала, что есть важное обстоятельство, препятствующее возможному увлечению сына Лизет – отсутствие у той денег и положения в обществе. Она доверилась расчётливости Мишеля и благоразумию и порядочности своей племянницы. Но служанке всё же приказала следить, ибо предпочитала быть в курсе всех событий.

Зима завладела своими правами; снегу выпало вдоволь, чтобы можно было наслаждаться быстрой ездой в санях или строить снежный городок, или играть в снежки. Детвора не вылезала с улицы, и родителям насилу удавалось уговорить своих чад зайти домой просушить варежки да выпить горячего чаю. Но и взрослые, даже с самыми изысканными манерами, не гнушались лихо вспорошить снег под полозьями саней или бросить снежок в неловко отвернувшегося знакомого. Мишель с сёстрами тоже частенько устраивали подобные мероприятия, в которых иногда участвовала и их кузина, если не нужна была своей благодетельнице. Он стал чаще проводить время дома, наслаждаясь милыми забавами, обучая братьев держать поводья или строя вместе с ними ледяные крепости. Он снова словно вернулся в детство, ощущая радость от маленьких простых вещей, которые раньше называл “не подходящими для настоящего джентльмена”. Он считал, что это сестрица Элизабет так повлияла на него, если она просила его остаться дома и в чём-то помочь, он не мог отказать.

Однажды, вечером, когда у них в гостиной собралось довольно приятное общество, а за окном тоскливо завывал ветер, он вспомнил о милом ему человеке, также, вероятно, тоскующем в своей маленькой комнатке, томящемся от невозможности выйти и продемонстрировать свои таланты, свою чистоту и горячность сердца. И пока его сёстры играли и пели то, что знали уж на зубок и повторяли это перед зрителями не первый раз, он сказал матери, что неплохо было бы пригласить сыграть кузину Элизабет, которая за последнее время хорошо улучшила свои навыки, и он уверен, что публика будет в восторге. Она не смогла сразу что-либо ответить, потому что неожиданность этого предложения повергла её в лёгкое оцепенение, и старые страхи, которые вот уже пару месяцев не беспокоили её, снова подняли голову и завладели её мыслями.

Кто-то из гостей услышал его слова и спросил, правда ли, что племянница Василисы Ивановны отлично играет? И действительно может порадовать их сегодня? Хозяйка поджала губы, понимая, что таланты Лизет в десятки раз превосходят таланты её дочек, и если та выйдет и сыграет, то, конечно, понравится всем, и уж они будут приходить в этот дом, чтобы послушать её игру, чтобы увидеть её, затем она станет увереннее в себе, Мишель будет чувствовать себя её вдохновителем и благодетелем, а там уж недалеко и до... На этом стремительный поток её мыслей остановился, и она с прежней своей мягкостью и невозмутимостью сказала, что действительно бедная сиротка так поднатрела в своих навыках, что частенько радует семью пассажирами и несложными мелодиями. Но выйти в свет ей ещё рановато... Они бы все хотели приблизить этот день как можно скорее, но, к сожалению, её манеры слишком провинциальны, а преждевременное нахождение в обществе её просто убьёт!

Мишель был сломлен, его вдруг поразила страшная мысль, что его кузину Элизабет намеренно держат взаперти, и уж никогда не позволят выйти и покорить свет своей прекрасной игрой. Как он раньше не замечал, что мать намеренно скрывает свою племянницу! Каким же эгоистом он был, не видящим вокруг ничего, что бы могло омрачить его взор и душу! Он

думал, что все вокруг счастливы и беззаботны, что кузина живёт безмятежно в его доме, не зная ни горя, ни тоски, что она просто не желает выходить в свет.

Долго он обдумывал, что можно сделать для блага его кузины, но каждая идея разбивалась о препятствие – его мать. Она запретит ему что-либо предпринимать, а ещё хуже – это отразится на его бедной кузине, которую мать, несомненно, обвинит во всём. Сон к нему не шёл в ту ночь, потому что его мыслями завладела та, о которой он думал весь вечер. Он вспоминал её лицо и чувствовал, как в нём зарождается то, чего ранее он никогда не испытывал. Мать предугадала то, к осознанию чего сын пришёл так поздно.

Василиса Ивановна, конечно, отметила, что сын стал больше проводить времени дома, и что это заслуга Лизет; она даже сказала, что “дорогая племянница, совершенствуя себя, не забывает и о других” и что “видимо, благопристойность становится заразной, и скоро мы увидим Мишеля совсем отличного от того, каким он был год назад”. Теперь он упоминал о кузине вскользь, словно боясь, что его могут снова связать с ней. Раньше его это не беспокоило. Горничная докладывала, что они стали реже сидеть вместе, она часто музицирует одна, а он проводит время в бильярдной. Её госпожа напряглась, но пока не спешила что-либо предпринимать.

Лизет тоже заметила, к своему удивлению, что её кузен изменился, но долго не могла поверить своей догадке. Она жалела, что он не может, бедняжка, испытывать сильные чувства, понимать музыку, как она, и глубоко сопереживать кому-либо, быстро отвлекаясь и гоня от себя неудобные для его полной удовольствий жизни мысли. Она явственно видела, что они настолько разные люди, что между ними не может быть симпатии другой, кроме родственной, и поэтому полагала, что его увлечение надуманное и быстро пройдёт, как кончится зима, и когда начнутся другие развлечения – балы, фейерверки, охота. Она делала вид, что всё в порядке, и говорила с ним, как и всегда, ничем не выдавая своего открытия.

Чем больше проходило времени, тем больше Василиса Ивановна убеждалась, что сын влюблён, и что это надо остановить, пока чувства не стали серьёзнее, и пока про них не узнала Лизет, а то мало ли что ей взбредёт в голову, ведь влюблённым мужчиной так легко управлять! Она решилась поговорить с сыном и вызвала его к себе. Он сидел напротив неё непривычно спокойный; когда-то она мечтала увидеть своего любимого сына таким, теперь же это пугало её. Воистину, бойтесь своих желаний, ибо они имеют свойство сбываться в самый неподходящий час! Она стала мягко и ненавязчиво выпытывать его желания и чаяния, как он вдруг прямо признался ей, что действительно влюблён в кузину Элизабет. Это стало ударом для неё. В глубине души она всё же надеялась, что причина его изменений в другом, что нет между ними никакой симпатии, и ей не стоит ничего опасаться, как тут он сразу же разрушил все её надежды на благоприятный исход этой ситуации. Казалось, он с удовольствием наблюдал за её растерянностью; он никогда не видел свою жёсткую и всегда уверенную в себе мать такой слабой, и, вероятно, сделал это признание только для того, чтобы уколоть её.

Нет, кузина Элизабет ничего не знает о его чувствах и никогда он ей не скажет, потому что это смутит её, ведь она точно ничего не испытывает к нему. Эти слова несколько охладило жар, которым горели щёки и ладони его матери, и она вскоре быстро пришла в себя и уже знала, что нужно сказать и как надо действовать.

Она думает о том, чтобы отослать племянницу в деревню к родственникам, ведь она здесь больше не нужна, она достаточно здесь *погостила*, и теперь надобно ей искать постоянный дом, и если эти родственники согласятся принять её, то уже к лету она переедет.

– И ведь, милый, ты, помнишь, что на лето мы уезжаем в Ниццу? Что Лизет будет делать здесь одна? Она заболит с тоски, а деревне ей будет весело. Она не будет одинока.

Мишель сидел напротив неё бледный и пристыженный. Зачем он сказал ей? Зачем хотел потешить своё самолюбие и уязвить её? Нужно было всё отрицать и придумать какую-то другую причину своему поведению! Ах, он глупец! Ну, теперь всё кончено. Она уедет навсегда, а он останется здесь с разбитым сердцем. И ведь сам во всё виноват!

Наконец, она сказала самое важное:

– Как видишь, я, и отец, конечно, лучше ему ни о чём не знать, не позволим жениться тебе на ней. Ты сам понимаешь прекрасно, почему. Поэтому вам лучше разделиться скорей, чтобы эти первые робкие ростки чувств не успели укорениться и последующее расставание не заставило страдать ни тебя, ни её. Да, я вижу, что сейчас ты сердисься на меня, но потом, я уверена, ты будешь мне благодарен, потому что я спасла тебя от больших страданий, которые могут случиться, если вовремя не прервать опасные связи.

“Опасные связи!” Эхом звучали в его голове слова матери, не давая ему и минуты отдыха. Он всё думал и думал о том, к чему может привести любовь и что она даст ему и предмету его чувств. И понял, что ничего хорошего уж не будет. Она уедет, будет налаживать новую жизнь, а он что? Сколько ему понадобится времени, чтобы забыть её? Нет, уж забыть её он не сможет, это точно, но вырвать из сердца цветы любви, возможно? Он никогда не любил, девушки были для него всегда трофеями, которыми он хвастался своим приятелям, а если он кому-то разбивал сердце, то считал это *vétille*⁵, недостойным сожаления и убеждённый, что вскоре эта же девушка, оправившись легко, разобьёт сердце какому-то чувствительному идиоту; он начинал флиртовать с новой, которая надоедала ему быстрее предыдущей.

В этот раз он посчитал свою мать правой – ему нужно быстрее избавиться от зарождающихся чувств, пока стало не слишком поздно. Как ни грустно ему было от этой мысли, он решил ограничить своё общение с Лизет. Ему жаль было расставаться с её обществом, её прекрасными глазами, но решив для себя всё оборвать, он посчитал, что по-другому не получится у него обуздать своё сердце.

Вечером Лизет поднималась наверх, в свою комнату, был уже двенадцатый час, а она и так же уже засиделась в гостиной со своими кузинами, глаза её чуть ли не закрывались, требуя, чтобы хозяйка немедленно легла в постель. Она удивилась, увидев, что Мишель спешит вниз и одет для выхода. Теперь только она обратила внимание, что у дверей его ждёт слуга с пальто.

– Куда вы так поздно? – спросила она его.

Он обернулся, и, стараясь казаться невозмутимым, спросил:

– Что вы делаете, когда вам одиноко или грустно?

Подумав, она ответила:

– Играю.

Он улыбнулся:

– Я тоже играю, и сегодня собираюсь весело провести время, проигрывая несколько партий в карты. Мне не везёт, поэтому я выложу на стол крупную сумму денег моего отца. О, не смотрите на меня с таким укором! Все мы развлекаем себя, как можем, в силу своего воспитания. Мне наскучила жизнь, которой я предавался последние три месяца. Это был новый опыт для меня, но хватит! Я не создан для тихой семейной жизни, мною правят страсти, о которых вам лучше не знать, дорогая кузина. Прошу вас, бросьте попытки меня перевоспитать, это бесполезно, и пусть в моей голове ветер, но этот ветер так сладок, так пьянит меня, что я не могу устоять, я покоряюсь ему, и он несёт меня, куда глаза глядят!

Он смело смотрел ей в глаза, она, не отрываясь, глядела на него, пытаясь понять, чем вызвана такая внезапная перемена. Вероятно, ветряная его натура взяла над ним верх, он пытался измениться, но оказался слаб перед страстями большого мира, в котором в силу обстоятельств ему приходилось крутиться. Ей оставалось только пожалеть его, ибо презирать кого бы то ни было, она не могла в силу своего характера, убеждённая, что человек не по своей воле ведёт себя непристойно, а это среда, в которой он воспитывается и находится двадцать четыре часа в сутки, так влияет на него; и если бы он понимал, что его поведение отвратительно, то он тут же бы непременно и раскаялся.

⁵ С фр. мелочь, пустяк

– Никифор! – позвал он слугу и спустился вниз.

Там старик-дворецкий помог ему одеться, и он, даже не взглянув напоследок на Лизет, вышел из дому. У крыльца уже ждал экипаж, готовый всю ночь возить его из одного дома в другой, окуная его в такие увеселения, о которых его кузина думала с неприязнью.

Глава 6. Снова переезд.

Медленно стали тянуться зимние дни; Лизет и Мишель более не были близки, как раньше, и даже Василиса Ивановна стала менее к ней обращаться, что с одной стороны давало ей свободу для своих личных дел, а с другой – очень напрягало, она не понимала, чем вызвана такая перемена. Девушка всё чаще стала оставаться предоставленной самой себе, и только её кухни да младшие дети составляли её небольшой кружок для общения. Эти изменения вроде бы не привели ни к чему серьёзному, но у Лизет появилось странное предчувствие чего-то неминуемого, что должно было произойти с нею, или с кем-то другим, она не знала. Но она вела себя, как прежде – была любезной со всеми, улыбалась и казалась непринуждённой.

Она, конечно, не догадывалась, что её покровительница хочет выслать её в деревню и уже написала письмо своей дальней родственнице Авдотье Матвеевой, в котором ласково просила её пригреть *на время* бедную сироту, пока они всей семьёй будут за границей. Она прозрачно намекнула на то, что раз Лизет их общая родственница, то они должны вместе взять на себя ответственность по заботе о ней. К тому же, в провинции ей будет привычнее и легче, а здесь, в городе она чувствует себя чужой. И если её кузина оценит все достоинства их племянницы, то может оставить её у себя и *подольше*, Василиса Ивановна возражать не станет. Она готова пойти на всё, лишь бы бедной сироте жилось удобно и счастливо. Долго она писала и переписывала своё письмо, стараясь в нём одновременно и ясно, и ёмко, и без возможности возражения с обратной стороны, выразить свои просьбы.

Вскоре ей пришёл ответ, более простой и не витиеватый, где её кузина сообщила, что с радостью примет у себя Лизет, что они с мужем от чистого сердца приглашают её у них погостить, и, пусть, если её, конечно, не затруднит, Василиса Ивановна передаст сие приглашение их милой племяннице. Хозяйка дома довольно улыбнулась, прочитав письмо, ибо уже некоторое время жила в напряжении, ожидая ответ, и если бы он оказался менее любезным, ей пришлось бы искать другой способ избавиться от предмета, мозолившего ей глаза. Но всё решилось благополучно, и она только сказала мужу, что весной Лизет уедет погостить к родственникам, и скорей всего, не вернётся назад. На что Павел Алексеевич равнодушно кивнул, предоставляя жене право самой разбираться с вопросами по устройству жизни Лизет. Её присутствие или отсутствие его не волновало, потому что он был очень занят, чтобы обращать внимание на женскую половину своего дома. Более никому эту новость его жена не сообщила, не желая при сыне, вообще упоминать имя его кухни, а ей можно всё сказать и перед самым отъездом. Когда снег растает, а дороги подсохнут, можно будет со спокойной душой и чистой совестью отправить её из города.

Лизет всё больше музицировала, предпочитая не показываться на глаза хозяевам, Мишель стал таким, как год назад – всё чаще он возвращался домой утром, весь день спал, а часам к шести вечера спускался ужинать, а потом снова уезжал на бал или в гости.

Наступил май, но в заботах об отъезде во Францию, Василиса Ивановна не забывала о своём решении относительно Лизет. Она уже распланировала всё, что скажет Мишелю и своей племяннице, предугадывая каждую фразу и взгляд, которыми они могут одарить её. Первым она вызвала сына, и прямо, не оставляя места для возможных возражений и увещаний, сказала ему, что через три дня его кузина отправляется в село Покровское. Она уже обо всём договорилась, там её примут с радушием и теплотой. Мишель сидел в кресле несколько поражённый её словами и тоном, каким эти слова говорились. Он уже и забыл, что мать хочет отправить Лизет из города, а если бы ему и напомнили, то он бы подумал, что, вероятно, она передумала, ведь она никогда больше не упоминала этого разговора, и Лизет, как он мог судить, не знала, что её собираются выслать. Иначе она пришла бы к нему за советом, и он, конечно, пошёл бы к матери и со всем жаром стал бы её отговаривать от этого шага. Но было уже слишком поздно,

он видел, что мать настроена более чем серьёзно. Она пыталась ему внушить, что девушке будет лучше в деревне, чем в городе, и она делает это лишь для её же блага.

Она видела, что он переживает, поэтому сказала:

– Конечно, я отправлю её туда со всеми удобствами. Она поедет в нашей карете с гербом, и все будут думать, что это едет какая-то важная персона, и, конечно, я потребую, чтобы она обязательно написала мне по приезду. Так что переживать и волноваться тут не о чем.

Она глядела на него с таким спокойствием и так была равнодушна к предмету их разговора, что он возмутился:

– Девушка поедет одна! Такая долгая и тяжелая дорога, и совсем одна! Вам не совестно, матушка и совсем её не жаль?

Она поджала губы, пытаясь сдержать своё возмущение, и сказала:

– Шестьдесят вёрст – не так уж и много, женщины могут преодолеть и бóльшие расстояния. А Лизет молода и здорова, ей не составит особого труда проделать этот путь, тем более что погода сейчас устоялась, а дороги в хорошем состоянии.

– Вы настолько бесчувственны и холодны, что это ранит меня! – продолжал возмущаться он. – Она провела в этом доме почти год, а вы так и не поняли, не полюбили её, даже не пытались! Хотя она достойна этого и даже большего! И если бы вы позволили ей, она бы раскрылась, она бы стала блистать в свете, но вы не захотели! Вы испугались!

– Ну, хватит! – воскликнула она, не сдержавшись. – Ты сказал очень много, о чём после пожалеешь. Ты не вправе осуждать меня, я твоя мать, и всё, что ты имеешь, это благодаря мне! – Она тяжело выдохнула. – Мы с отцом дали тебе самое лучшее, и вот твоя благодарность – всё, что ты можешь, это тратить его деньги! Ты влюбился в неё только оттого, что тебе нечего было делать, только от скуки, а не потому что она какая-то особенная!

В последнее она вложила всё своё возмущение, накопившееся за долгое время, и, наконец, смогла взять себя в руки, а он, наоборот, ещё больше разошёлся:

– К вашему сведению, матушка, не я один в этом доме бездумно трачу деньги отца. Вспомните, ваши недавние обеды, которые изрядно потрепали нервы вашему мужу. – При этом она побледнела, не силах что-либо вымолвить, а он продолжал. – Так что хватит попрекать меня, я веду жизнь мало чем отличающуюся от жизни других. Но то, что вы сделали с Лизет, я никогда не забуду и вам не прощу!

Он встал, и, кинув тяжёлый взгляд на мать, направился к двери. Чуть помедлив, он повернулся, и сказал:

– Я поеду вместе с кузиной, я обязан сопровождать её и убедиться в её безопасности. Не пытайтесь остановить меня, я уже всё решил.

Она тоже встала, поражённая его внезапным решением:

– Ты не можешь ехать! Вы вдвоём окажетесь в неловком положении! Опять пойдут слухи, от которых я с таким трудом избавилась в прошлый раз!

Она чуть ли не умоляюще смотрела на него, потеряв всю свою холодность и чопорность. Он, чувствуя себя победителем, был доволен произведённым эффектом, но затем решил сгладить между ними напряжение, сказав ласково:

– Ну, подумайте, матушка, что будет намного приличнее, если девушку будет сопровождать родственник. Я делаю это не из каких-то своих личных побуждений, а только для того чтобы сохранить репутацию нашей семьи. Подумайте, что скажут родственники в деревне, увидев Элизабет одну? Что вы грубо обошлись с ней, что выгнали её из дома, что она попала в немилость. И вы думаете, они захотят принять у себя надолго такую особу?

Он усмехнулся, видя, что она постепенно принимает ход его мыслей. Она поняла, что его аргументы обоснованы, и как бы ей не хотелось его отпускать, как бы её не страшила мысль об их совместном путешествии, она приняла его идею с несвойственным ей смирением.

– И когда ты вернёшься?

– Выеду утром на следующий день. Полагаю, что прекрасно проведу немного времени с тётушкой и дядюшкой, передам им от вас горячие приветы, думаю, они будут в восторге.

Он сиял, радуясь, что задуманное ему удалось, а она лишь глубоко вздохнула, провозжая его взглядом, а затем задумчиво посмотрела в окно. Как же так вышло, что он склонил её в свою сторону? Ладно, она переживёт этот неприятный момент, ведь скоро они заживут прежней жизнью, и следа не останется в их доме от Лизет.

Вечером Василиса Ивановна вошла в спальню своей племянницы с намерением сообщить ей новость об отъезде. Она ласково улыбнулась и взяла её за руки. Говорила она мягко и сладко, пытаясь дать понять, что не желает ей зла, а всё делает только ей во благо. Лизет только сейчас явственно осознала, что этого она боялась больше всего на свете, и что это рано или поздно должно было произойти. Но всё равно она была опечалена и до конца не верила, что вот уже через несколько дней покинет этот дом, который уже считала своим, что, быть может, навсегда распрощается с его обитателями. Хоть её покровительница и говорила, что она может вернуться в любой момент, Лизет понимала, что её здесь видеть не хотят и ждать не будут. Василиса Ивановна не упомянула, что Мишель хочет тоже ехать, в надежде, что он может передумать, поэтому Лизет осталась в неведении, что между сыном и матерью состоялся разговор. Хозяйка дома пожелала девушке спокойной ночи и даже поцеловала её слегка в лоб, после чего тихо покинула её комнату, оставив Лизет всю ночь переживать самые неприятные и тревожные чувства. Она и плакала, и молилась, и убеждала себя в том, что дело не стоит таких переживаний, но успокоения так и не нашла.

Пара дней прошла в хлопотах по сбору вещей, благо их оказалось у Лизет немного, да в последних приготовлениях к отъезду. В последний день к ней в комнату заглянул Мишель, чего не делал уже давно. Он извинился за вторжение, но, напустив на себя весёлый и беззаботный вид, сообщил ей, что завтра будет иметь честь сопровождать её в пути и клянётся, что доставит её к родственникам в целости и безопасности. Она и не заметит, как пролетит время! Её не слишком воодушевили эти слова, радости от будущей поездки она не испытывала, покидать дом не хотела, но она поблагодарила его, как полагается, выразив надежду, что ему не будет слишком скучно с нею в карете, ведь он предпочитает более высокое общество. Он слегка опешил, а затем сказал, что это было его решение. Он настоял, и матери пришлось согласиться! Теперь Лизет, застыла у окна, поражённая мыслью, что тетушка собиралась отпустить её одну в такой долгий путь, и если бы не Мишель, то никто бы не позаботился о её безопасности. Когда он ушёл, она ещё долго обдумывала его слова, подозрения в его симпатии снова завладели ею. Она надеялась только, что он не осмелится оказывать ей никакие знаки внимания в пути.

Вечером она зашла попрощаться к своим маленькими кузинами и кузенами, которые, не желая её отпускать, тянули её к себе за подол платья, висели на шее, а кое-кто даже заплакал. Старшие её кузины были более сдержанны. Они обещали ей писать и рассказывать во всех подробностях о модах, которые придут в Петербург после её отъезда. Уже когда она собралась спать, к ней зашла Василиса Ивановна пожелать спокойной ночи и доброго пути. Она ещё никогда не была с Лизет такой ласковой, никогда ещё не смотрела на неё с таким участием, как в тот день, и Лизет уже была готова поверить в её искренние чувства, но вовремя вспомнила о том, кто её высылает.

На утро Мишель и Лизет завтракали одни. К ним никто не вышел из домочадцев; в доме было принято завтракать не раньше девяти, а сейчас на часах было только половина восьмого. У Лизет словно ком стоял в горле, она почти ничего не смогла съесть, полная тревог и волнений, её спутник, напротив, хорошо подкрепился и пытался шутками и разговорами поднять настроение своей кузине. Ей было неприятно, ведь вместо слов поддержки, вместо сочувствия она видела только его легкомыслие и напускную небрежность. Как ей было бы легче, если бы он мог разделить с ней грусть и её тяжелые думы! Но увы! Она не могла ему довериться, ибо знала, что он избегает тяжёлых мыслей и как огня боится глубоких переживаний.

Вскоре вещи были погружены в экипаж, и кучер уже сидел на козлах, когда она бросила последний печальный взгляд на дом. Снова переезд! Снова она должна привыкать к новому месту и чужой, незнакомый ей дом назвать своим. Хоть здесь она и была не очень счастлива, но и никаких бед не знала, она ко всем уже привыкла, обитателей по-своему любила, каждому прощала их слабости. Нет, её не пугала простая жизнь, которую ей предстояло вести в деревне, но знакомство с новыми людьми и выстраивание новых отношений казалось ей тяжким бременем, которое она вынуждена была взять на себя.

С наступлением мая снег на дорогах уж весь растаял, хоть ветер и был ещё довольно холодным и порывистым, солнце уже светило вовсю и обещало двум пассажирам приятную, без вынужденных задержек из-за распутицы, поездку из столицы в село Покровское.

Они уже проехали больше половины пути, и уж давно меж ними установилось молчание, хотя поначалу они обсудили и прекрасную погоду, и что им ничто не мешает довольно быстро добраться до места назначения. Мишель то и дело поглядывал на противоположное сидение, бледное лицо Лизет невольно приковывало его внимание, ведь за окном кареты не было ничего интересного: чёрные поля, леса, тянувшиеся до горизонта да карканье ворон – вот и всё сопровождение одиноких путешественников.

Лизет замечала, какие взгляды он бросал на неё, и от этого ей было неловко и стыдно; она, не отрываясь, глядела в окно, мысленно молясь о скором конце их путешествия. Дорога была достаточно долгой, чтобы можно было обдумать и свою жизнь, и перебрать всевозможные причины возникновения всех неприятностей, случившихся с нею. Она никогда не видела Матвеевых и знала только, что жили они небогато, хотя и ни в чём не нуждались; она предполагала, что они не будут в восторге от молодой нахлебницы.

Глава 7. Покровское и его жители.

Когда они уже выехали на просёлочную дорогу деревни, им стали попадаться телеги крестьян, виднелись и фигуры, работающие в полях, жизнь за окном словно оживала. Волнение Лизет усилилось, ладони вспотели, а сердце учащённо забилося, ведь они подъезжали к её новому дому. Вскоре она увидела крепкий, хоть и небольшой двухэтажный дом; первый этаж был кирпичным и оштукатуренным, второй этаж и мансарда – деревянными, красивые резные наличники украшали окна, а на козырьке крыши сидел резной раскрашенный петух. К дому вела мощёная дорожка, недалеко виднелась беседка в окружении цветущей сирени, а где-то вдали, скорее угадывалась, чем виднелась, река; солнце так сильно блестело на её поверхности, что трудно было что-то разглядеть.

Все обитатели дома выстроились на крыльце, встречая гостей: Иван Михайлович Матвеев, хозяин поместья, его жена – Авдотья Николаевна, и молодая полноватая девушка, лет восемнадцати, Мария Алексеевна Куницына, или просто Мари, которая также как и Лизет, после смерти родителей оказалась в доме Матвеевых. Экипаж остановился, и Мишель помог своей спутнице выбраться. Она с наслаждением вдохнула свежий воздух, ощущая лёгкие ароматы сирени и чего-то ещё, возможно где-то на кухне пеклись пироги. Все принялись наперебой здороваться и знакомиться, Мишель принимал в этом живейшее участие, представляя кухню, как одну из лучших и прекраснейших девушек Петербурга. Он был так оживлён и многословен, что Авдотье Николаевне сложно было вставить хоть слово, чтобы пригласить гостей в дом.

Наконец, все вошли, и Лизет смогла оглядеться. Да, широта жизни здесь была не такой, как у Глазуновых. Простая, но добротная мебель, небольшая гостиная с окнами, выходящими в сиреневый сад. Она с радостью заметила фортепиано, которое примостилось в углу у окна, но салфетка, покрывавшая его, и ваза с цветами, явственно указывали, что им уже долгое время не пользовались.

Хозяева так радушно приняли её, так настаивали, чтобы она скорей отдохнула с дороги, что тревоги Лизет быстро растаяли, и она стала испытывать к Матвеевым только искреннюю симпатию и благодарность. Её комната оказалась небольшой, уютно обставленной и очень светлой. Мари весело щебетала, помогая ей устроиться, выспрашивала про моды, про жизнь в Петербурге, на что Лизет не могла дать того ответа, который бы удовлетворил её. В десять лет Мари забрали от старой немощной бабушки, и сразу же она полюбилась Матвеевым за весёлый, незлобивый нрав, за желание всем угождать, пусть и не всегда уместное. Активная и бойкая, она могла показаться кому-то слишком навязчивой, но родные снисходительно относились к её недостаткам, всячески балуя её и убаюкая.

Вообще Матвеевы были очень уважаемой семье в Покровском, и так заботились о своих крестьянах, что те называли их не иначе как “наш батюшка и наша матушка”. У Ивана Михайловича было крепкое хозяйство и стабильный доход, он не пристрастился к картам или выпивке, не нажил долгов, а в Петербург не ездил уже лет двадцать. Всё, что ему было нужно, находилось рядом, или, по крайней мере, в соседней деревне. Его жена была женщиной спокойной и непритязательной, часто можно было увидеть её чепец в саду или огороде, она любила работать руками и постоянно была чем-то занята. И только Мари беззаботно могла проводить время, быстро увлекаясь чем-то, она также быстро это бросала, не имея склонности к каким-либо определённым занятиям. У Матвеевых не было детей, поэтому всю нерастраченную любовь они отдавали Мари, за что она ласково называла их на французский манер *raró* и *matá*. Хотя они скорее походили на её дедушку и бабушку, потому что Ивану Михайловичу уже перевалило за шестьдесят, а его жене – за пятьдесят, но, казалось, никто не обращал внимания на такое несоответствие.

По близости с ними жили Самойловы, Дмитрий Васильевич и его сестра Екатерина. Они были несколько богаче Матвеевых, отец оставил им поместье в прекрасном состоянии, и его сын теперь только и думал, как улучшить его и обновить то, что требовалось, и постепенно учился, как самостоятельно управлять таким большим хозяйством. В свои двадцать семь лет он взял на себя заботу не только о старшей сестре, но и обо всех своих землях и крестьянах, работающих на ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.